

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО ЗВОЛЕНА в ЧССР

**Воспоминания
участника Великой Отечественной войны
Г.Б. КЛИМОВА**

Пушкино

2025

**От Сталинграда до Зволена в ЧССР. Воспоминания участника Великой
Отечественной войны Г.Б. КЛИМОВА** [Электронный ресурс] / Г.Б. Климов. – Пуш-
кино : ВНИИЛМ, 2025. – 60 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-94219-312-6

Текстовое электронное издание

Климов Г.Б. (1945 г.)

ОБ АВТОРЕ

Глеб Борисович Климов (1924–1992 гг.) – участник Великой Отечественной войны 1942–1945 гг. Служил артиллерийским разведчиком, прошел с боями в составе артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования (АРВГК) от Сталинграда до западных границ СССР, воевал на территории Румынии, Венгрии, Чехословакии. Был награжден орденом Отечественной войны, тремя боевыми медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и многочисленными юбилейными наградами участника ВОВ.

После войны окончил Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства (МИМЭСХ) по специальности «инженер-механик», работал на машиноиспытательных станциях в различных регионах СССР.

В 1955 году поступил в аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института лесоводства и механизации (ВНИИЛМ), успешно ее окончил и защитил диссертацию, получив ученую степень кандидата технических наук. Остался работать в Институте и прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом механизации работ в питомниках, занимался научно-исследовательскими работами по созданию машин для работы в лесных питомниках.

За разработку новой лесохозяйственной техники награжден многочисленными медалями ВДНХ, является автором более 70-ти изобретений и новаций, подтвержденных патентами и свидетельствами, был удостоен звания «Заслуженный изобретатель России».

У Глеба Борисовича была крепкая семья, он вырастил сына и дочь, работал во ВНИИЛМ до конца жизни, прожил в городе Пушкино 36 лет.

Этот мемуарный труд Г.Б. Климов написал в 1986 году после многочисленных выступлений перед школьниками г. Пушкино. Простым, искренним языком рассказывает он о своем боевом пути, делясь с потомками воспоминаниями военных лет.

Наталья Климова,
дочь Г.Б. Климова

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО ЗВОЛЕНА В ЧССР

В ряды Советской Армии меня призвали в Тимирязевском РВК г. Москвы осенью 1942 года. В то время я был студентом второго курса Московского института механизации и электрификации (МИМЭСХ). Направили меня сначала в г. Коломну, где в это время формировалась II Уральская артдивизия РВГК, и определили в артразведку 197 ПАП рядовым разведчиком-наблюдателем.

Артразведка – это разведка наблюдением. Под наблюдательный пункт (НП) выбирается место, откуда хорошо просматриваются позиции противника. НП может быть на господствующей высоте, на крыше дома или дереве, церкви, мельнице. НП маскируется, устанавливается телефонная или радиосвязь с огневыми позициями (артиллерийскими батареями) и со штабом подразделения. В зависимости от характера местности, НП может находиться непосредственно в боевом порядке пехоты или на некотором расстоянии от нее.

Артразведка – глаза и уши артиллерии, а ее задачи – выявление огневых точек противника, его наблюдательных пунктов, слежение за перемещением неприятельской пехоты, танков, автотранспорта. Наблюдение производится круглосуточно, как правило, с помощью оптических приборов (бинокля, стереотрубы), результаты наблюдений заносятся в специальный журнал. Кроме проведения наблюдений, артразведчики должны оборудовать НП, то есть выкопать окопы, землянку и ходы сообщения. Особенно это тяжело зимой, когда землю приходится долбить ломом на метр и более. Конечно, НП оборудовались ночью. Земля не только согревала нас зимой, но и верно спасала от вражеских бомб и снарядов.

Летом 1943 г. я окончил полковую школу, которая была организована при штабе II артиллерийской дивизии (село Волхов Харьковской области). После окончания школы мне присвоили воинское звание сержанта и направили помощником командира взвода управления в 1215-й легко-артиллерийский полк. Этот полк имел 76-миллиметровые орудия, которые часто устанавливались на прямую наводку для уничтожения немецких танков. В 1215-м полку II артдивизии, в звании сержанта, я воевал все остальное фронтовое время.

В составе 197-го пушечного и 1215-го легко-артиллерийских полков мне пришлось участвовать в боях по уничтожению вражеских войск под Сталинградом, в освобождении Харькова, Правобережной Украины, Румынии и Чехословакии.

При формировании артполка в Коломне в качестве личного оружия нам выдали карабины – винтовки с укороченными стволами. В начале 1944 г. разведчикам удалось обменять карабины на автоматы ППШ с дисковыми магазинами. Кроме огнестрельного оружия, мы имели также ручные гранаты.

БИТВА ПОД СТАЛИНГРАДОМ

В период Великой Отечественной войны Сталинград приобрел всемирную славу благодаря легендарной борьбе против фашистских агрессоров. Битва на Волге началась упорной обороной советских войск на дальних подступах к городу. Постепенно в сражение вступали все новые и новые силы и средства, оно развернулось на огромном пространстве при участии в нем сотен дивизий и отдельных частей, нескольких тысяч самолетов, танков и орудий. Используя свое численное преимущество, враг прорвался к Волге, и ожесточенные бои развернулись на территории города.

Наступательный порыв немцев был сломлен 19 ноября 1942 г. Советские войска, опираясь на поддержку всей страны, перешли в контрнаступление. Крупнейшая ударная группировка вражеских войск была окружена – 22 немецких дивизии!

Мой боевой путь начался под Сталинградом в боях по уничтожению уже окруженной немецкой группировки численностью около 330 тысяч солдат и офицеров. В Сталинград нас направили из Коломны, где формировался наш артиллерийский полк. В срочном порядке изучили оптические приборы, методику ведения наблюдений, приняли присягу.

И вот настал день погрузки и отправки на фронт. Грузились на железнодорожные платформы на станции Голутвин. Погрузка ящиков со снарядами была очень тяжелой – один ящик весил около 100 кг. Поднимали ящик вчетвером, один подставлял спину и по трапу заносил груз на платформу. После погрузки двое суток ждали паровозов.

В день отправки случилось ЧП. Чтобы полезно использовать время ожидания, начальник взвода управления послал нас на занятия. Заниматься мы ушли в соседнюю деревню. В это время неожиданно подали паровозы, и наши эшелоны отошли через мост в южном направлении. Когда мы прибежали на станцию, начальник разведки отругал нас и дал команду догонять эшелон пешком. Шли всю ночь в холода и голоде. Пройдя 20 километров, на станции Луховицы, наконец-то нашли свой состав и свой вагон. Наши товарищи привели нам ужин, чему мы были очень рады.

Заранее нам не сказали, на какой отправляют фронт, но когда проехали Рязань, Ряжск, Тамбов, догадались, что едем к Сталинграду.

В Ряжске нас сводили в походную баню. Я тогда и не думал, что следующий раз придется мыться только через два месяца.

Не доехав Сталинграда, ночью нас уже бомбили немцы, но бомбы в эшелон, по счастью, не попали. Разгружались на станции Иловля, хотя станцией ее назвать было нельзя – кругом ни пакгауза, ни станционного здания, ни одного дома, только развалины. Разгружались целый день, опять таскали стокилограммовые ящики. Кухня сумела приготовить пищу только к вечеру. После разгрузки эшелонов в ожидании обеда мы бродили по разрушенным пакгаузам. В одном из них нашли на земле зерна, от голода стали их есть, и все отравились. Оказалось, что это зерна клещевины, из которых выжимают касторовое масло. После отравления выздоровели только на четвертый день.

До линии фронта от Иловли было еще 80-100 километров. На станции нашли десятка два саней и прицепили их по двое к каждой пушке. Таким образом, каждый транспорт состоял из трактора, пушки и двух саней. Трактора шли довольно быстро, на поворотах сани сильно заносило в сторону и была опасность попасть под встречный транспорт, однако добрались до своих огневых позиций к вечеру благополучно. Ранее отправившиеся на фронт товарищи (которые не отравились клещевиной) уже организовали НП. До него надо было идти еще примерно семь-восемь километров.

Нас, артразведчиков, было двое. Нам показали на снегу телефонный провод и сказали: «Берите его в руки, он и доведет вас до НП». Мы пошли по проводу. Кроме нашего, на земле лежали еще несколько проводов других артиллерийских частей, а где-то на полпути прошла колонна танков, порвавшая все провода. Что делать? Куда идти дальше? Уже темнело. Немцы изредка постреливали из пушек. Найдя невдалеке маленький окопчик, положили на дно свои карабины, с трудом втиснувшись в него и заснули мертвым сном.

Проснулись, когда уже начало светать. Долго не могли вылезти из окопа, потому что все мускулы онемели. Так прошла моя первая фронтовая ночь в конце декабря 1942 года.

Вскоре встретили своего связиста, который восстанавливал нарушенную связь. Он показал, как добраться до НП.

Бои под Сталинградом были очень ожесточенными! Окруженные немецкие войска надеялись на помощь извне и на прорыв к ним была направлена армия генерал-фельдмаршала Манштейна. Но прорваться Манштейну так и не удалось. Наши войска, главным образом артиллерия, разбили немецкую армию. Эпизоды этой борьбы удачно показаны в кинофильме «Горячий снег». А кольцо окружения постепенно сужалось.

8 января 1943 г. командованию окруженных войск был предъявлен ультиматум, в котором предлагалось сложить оружие во избежание ненужного кровопролития. Однако немцы не приняли ультиматум и продолжили сопротивление. Тогда наши войска перешли в решительное наступление, которое началось с мощной, продолжавшейся более часа, артподготовки. В первый день продвинулись немногого, на один-три километра. Далее наше продвижение ускорилось.

Под Сталинградом было очень трудно. Мороз под 30°С с ветром, кругом степь, все села уничтожены, земля промерзла глубоко. Запомнились названия населенных пунктов: Иловля, Песковатка, Александровка, Городище, Гумрак. Отступая, немцы сотнями бросали автомашины, орудия и другое оборудование. В конце операции мы часто на ночь располагались в балке, где нас немцы не видели. Поджигали одну-две автомобильных шины, вынимали из трофейных машин сиденья и спали таким образом. Утром от копоти, осевшей на лицах, мы не узнавали друг друга. Часто от такого костра во сне у нас загорались ватные брюки, куртки, шапки. Поэтому к концу операции вид у нас был неприглядный.

Мучили почти ежедневные смены НП, походы и переезды. Там я впервые узнал, что можно спать на ходу. При движении пешим ходом, невольно погружаясь в сон, иногда оказывался в стороне от дороги, в сугробе, и только тогда просыпался или натыкался на впереди идущего солдата.

Вся степь была завалена трупами немцев и наших солдат. Трупы располагались не по одному, а группами по несколько тел.

Были случаи, когда мы стреляли из пушек прямой наводкой по толпе отступающих немцев. После каждого выстрела на снегу оставалось до 10 убитых. Все это было хорошо видно, ведь бегущие немцы были от нас на расстоянии одного километра.

Окруженным врагам не хватало питания и они поедали своих лошадей. Их транспортные самолеты сбрасывали им на парашютах концентрированные продукты питания. Часто эти парашюты попадали к нам, поскольку немецкое командование не всегда точно знал о передвижение советских подразделений.

Последний наш НП был в железнодорожной насыпи возле Мамаева Кургана, немцы в это время были в Сталинграде на Тракторном заводе, на заводе «Баррикады» и в поселке Спартановка.

31 января меня с товарищем забрал начальник разведки артдивизиона, чтобы вместе установить связь с пехотным батальоном. Когда мы ползли к командному пункту батальона, нашего начальника разведки тяжело ранило (пуля вошла возле ключицы и прошла почти через все тело). Пришлось вернуться и сдать его санитарам, он был без сознания. В этот же день немцы расстреляли трех наших парламентеров, которые с белым флагом пошли к немецким позициям с предложением о сдаче.

Утро 2-го февраля встретило нас необычной тишиной. Выяснилось, что немцы во главе с фельдмаршалом Паулюсом капитулиро-

вали. Примерно половина окруженных солдат и офицеров была уничтожена, вторая – попала в плен. Я видел нескончаемую колонну немцев по шесть солдат в ряд, которая в сопровождении наших автоматчиков направлялась в советский тыл. Так бесславно закончился поход немецко-фашистских войск на Сталинград.

Победа под Сталинградом явилась поворотным моментом не только в Великой Отечественной войне, но и во всей Второй мировой войне.

Наша дивизия еще около месяца оставалась возле Сталинграда в ожидании железнодорожного транспорта для отправки на другой фронт, который в это время установился на линии Харьков – Орел – Белгород – Курск.

Надо подчеркнуть, что под Сталинградом советские солдаты были уже хорошо одеты: теплое фланелевое белье, ватные брюки и телогрейки, шинели, валенки, шерстяные подшлемники, одеваемые на голову и закрывавшие частично грудь и спину, шапки-ушанки, меховые рукавицы. Спасибо нашим родным советским людям, работавшим, не покладая рук, в тылу и отдававшим фронтовикам зачастую последнее, что у них было, чтобы защищавшие Родину с оружием в руках были в тепле и сыты.

ОБОРОНА И НАСТУПЛЕНИЕ В РАЙОНЕ ХАРЬКОВА

Весной 1943 г. линия фронта между советскими и немецкими войсками проходила по реке Северский Донец. Примерно в марте 1943 г. из-под Сталинграда наши эшелоны с тракторами, пушками и снарядами, прибыли на станцию Купянск. На несколько дней наше отделение было оставлено там для охраны штабелей со снарядами. За это время немецкие самолеты несколько раз налетали на станцию

и сбрасывали бомбы. Дважды им удавалось поджигать вагоны с патронами и реактивными снарядами.

Первая наша позиция была в селе Ольховатка, расположенному на левом берегу реки восточнее города Балаклея. Наш НП был на чердаке деревенской хаты, для обзорности сделали в соломенной крыше отверстие, напротив него разместили окуляры стереотрубы. А 152-миллиметровые батареи нашего артдивизиона стояли в лесу, на четыре-пять километров позади. Против нас, на правом берегу Северского Донца, был наш небольшой плацдарм, вверх по реке, в районе деревни Гусаровка, был второй небольшой плацдарм. Несколько позже наш НП был перенесен ближе к немцам – на правый берег реки. Запомнились переезды на лодке с левого берега реки на правый. Разлив Донца в 1943 г. был большой и поэтому приходилось долго плыть в затопленном лесу. На правом берегу реки мы организовали НП, приходилось корректировать ведение огня, отбивать танковые атаки противника. После напряженных боев на плацдармах правого берега нас перебросили на другой участок фронта этого района.

Запомнилась мне и оборона под селом Печенеги. Наша артиллерийская часть в это время находилась во втором эшелоне обороны и сравнительно далеко от Донца. Была теплая погода и мы с удовольствием нежились на теплом солнце. Однако иногда вражеские снаряды долетали до нас и даже перелетали дальше.

Вспоминаю большое сосредоточение войск в лесу под Змиёвым. Не знаю, была ли это подготовка к наступлению или отвлекающий маневр, но войск в сосновом бору под Змиёвым было сосредоточено очень много. Они располагались по ширине полосы бора в два-три километра и длиной в пять-шесть километров. И вот однажды днем на этот лес налетело около 500 немецких самолетов. Самолеты

«Юнкерс-88» шли волнами на значительной высоте и бросали бомбовый груз не прицельно, а по площади. В момент налета я оказался в траншее на краю леса, недалеко от нашего НП на окраине Змиёва. Впечатление было такое, что началось землетрясение. Я лежал на дне хода сообщения, песчаные стенки траншеи осыпались от взрывов и меня почти полностью засыпало песком.

После, проходя через лес, я увидел его белым от пыли, много деревьев было поломано и повалено. Сколько людей погибло при этом страшном налете, не знаю, но никакого наступления в районе Змиёва не было, и вскоре войска рассредоточились.

Спустя некоторое время, меня направили в полковую школу, которая находилась при штабе II артдивизии в селе Волхов Яр. Учеба продолжалась около двух месяцев, после окончания мне было присвоено воинское звание сержанта и я был направлен для прохождения дальнейшей службы в 1215-й легко-артиллерийский полк, оснащенный 76-миллиметровыми орудиями.

В июле 1943 г. началось сражение в районе Белгорода. Когда развернулись там бои, нам была слышна далекая канонада. Наконец, и мы перешли в наступление. Немцы отчаянно сопротивлялись. Особенно сильные бои произошли в районе станций Мерефа и Тарановка. Вскоре нам сообщили, что Харьков освобожден от фашистских войск.

Возле деревни Рябиновка наши танки несколько раз атаковали позиции противника. Причем острье танковых атак проходило прямо через высоту, где располагались наше НП и НП других артчастей, а также окопы пехоты. При выходе танков на занимаемую нами высоту немцы обрушивали на них все имеющиеся у них огневые средства. При этом перепадало и нам. Была и другая опасность – быть засыпанным в окопе в случае прохождения танков непосредственно по окопам и вблизи них. Чтобы этого не произошло, мы взмахом руки с

пилоткой делали танкистам отмашку, чтобы они объезжали наши окопы. Днем это помогало. Танки проходили рядом с окопами, громыхая и обдавая нас жаром. Однако при ночной атаке танков несколько солдат оказались спящими и были насмерть засыпаны землей. Это была последняя ночь сопротивления фашистских войск. Утром пехотная разведка доложила, что немцы отошли. Далее мы догоняли немцев без боя вплоть до самого Днепра.

Вспоминается многодневный пеший переход длиной около 200 километров в Харьковской области. Стояла жаркая августовская погода, температура воздуха не менее 25 градусов. Мы шли подряд семь-восемь дней, проходили за день по тридцать-сорок километров. Каждый солдат нес карабин, шинель в скатке, вещмешок с запасом продуктов на несколько дней, котелок, две гранаты. Разведчики и связисты дополнительно еще несли стереотрубу, бинокли, телефонные катушки, радио. Через каждый час движения десять минут отдыха. Перерыв на обед и послеобеденный отдых – два часа. На привале сразу ложились, ноги старались поднять вверх. Обед на марше готовили сами из пищевых концентратов на костре. Поход нас очень измотал. И мы потеряли нелепым образом своего разведчика. После окончания одного из переходов парень в сердцах с силой ударил прикладом автомата о пол, а он не был поставлен на предохранитель. Последовало два выстрела, пули угодили разведчику через подбородок в голову. Похоронили его здесь же, в деревне, через которую проходили.

Печальные случаи были с нашими солдатами и позже. Однажды находящийся на марше в кузове автомобиля солдат передавал автомат другому солдату, уже сошедшему с машины. Рукоятка затвора автомата зацепила за борт, раздался выстрел и тот, кто принимал автомат, был убит. Несколько случаев было, когда солдаты переезжали на лафете орудия – засыпали и попадали под пушку...

ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА

Ожесточенные продолжительные бои за Харьков закончились его освобождением в конце августа 1943 года. После этого немецко-фашистские войска без значительных боев откатились за Днепр. Немецкое командование считало, что река Днепр для советских войск станет непроприступным рубежом, учитывая значительные оборонительные сооружения, созданные немецкими войсками на правом, крутом берегу Днепра.

Однако наша пехота с ходу на различных плавательных средствах форсировала Днепр и на отдельных участках правого берега создала ряд плацдармов. Один из таких плацдармов, небольшой (шириной 3-5 и глубиной 1-2 километра), был создан юго-восточнее Кременчуга.

Пехоту на плацдармах необходимо было срочно поддержать артиллерией, чтобы она могла противостоять танкам. Поэтому мы, артиллеристы, имевшие противотанковые 76-миллиметровые орудия, получили приказ: срочно прибыть к Днепру и переправиться на его правый берег. Наш марш продолжался всю ночь на автомашинах, к которым были прицеплены пушки. Проезжали через украинские села, частично разрушенные и сожженные, в воздухе стоял постоянный запах от горящих мазанок, сделанных из кизяка. К Днепру подошли уже на восходе солнца, было светло. День предстоял погожий. Прямо на машинах въехали в плавни, кругом песок и кустарник. Скоро подошел небольшой паром, который тянул катер. Вниз по реке зажигались дымовые шашки для маскировки переправы. Однако ветер относил дым в сторону от воды и маскировки фактически не получилось.

Прозвучала команда: «Все к орудиям! Быстрее! Быстрее!». Мы все, кто был, кинулись к двум орудиям и по доскам закатили их на

паром, потом вбежали на паром сами, человек 20, он быстро отошел от берега и взял курс на село Бородаевка на правом берегу Днепра, в его пойме. За селом видны были высотки.

Когда паром приблизился к середине реки, внезапно появилось примерно 30-40 пикирующих «Юнкерсов». Они развернулись над нами, выстроились дугой и стали с ужасным ревом пикировать и сбрасывать бомбы на Бородаевку, в направлении которой мы плыли. Наше положение и состояние были крайне напряженными. Если 1-2 самолета отделяются от общей группы и сбрасывают бомбы на паром – в живых нам не останется. Спаслись мы, очевидно, благодаря немецкой педантичности – летчики точно выполняли приказ, а он был, видимо, – бомбить село.

Когда наш паром, наконец, приблизился к берегу, мы стали прыгать в воду, сами добирались и уже на берегу укрылись в имеющихся там окопах. После ухода немецких бомбардировщиков мы быстро скатили орудия с парома, затащили их в плавни и замаскировали, а с наступлением сумерек вручную перекатили наши пушки через село и доставили их к пехоте, окопы которой находились сразу за селом. Бородаевка была в значительной степени разрушена, еще горели дома, на улицах было много убитого скота.

В момент форсирования Днепра для каждого орудия было всего по несколько снарядов, так как тылы не успевали поспевать за нами. Наш наблюдательный пункт находился теперь возле орудий, которые были установлены в боевом порядке пехоты. Днепр был очень близко и хорошо просматривался с наших позиций. В случае, если немцы смогли бы нас смять и потеснить, отступать нам было некуда – река большая, не переплыть ее в холодной октябрьской воде. В последующие дни на плацдарм были доставлены еще около 20 орудий других батарей.

Когда пехотинцы увидели наши пушки, то сразу приободрились. Теперь, говорили они, не пропадем!

Чуть позже мы решили оставить НП на высотке, а ровики для укрытия и отдыха оборудовать в овраге, расположенному рядом. Овраг с крутыми склонами располагался параллельно линии фронта. Копались ровики и блиндажи очень легко, ведь грунт здесь был почти чистый песок. Немалая величина оврага позволила в нем разместиться, кроме нас, и другим частям: пехоте, саперам. В овраге нам очень понравилось, немецкие снаряды или не долетали до нас или перелетали, так как наши ровики и землянки располагались под крутым склоном, скрытым от противника. Но мы не учли непрочность песчаных стенок. Это стало ясно, когда на овраг налетели 5-7 немецких пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87». Наших зениток поблизости не было, поэтому немцы вели прицельное бомбометание почти на бреющем полете.

К счастью, в момент налета немецких самолетов я находился у товарищей из соседней части, ровики которых находились посреди оврага не под кручей, как наш глубокий блиндаж, а в десяти-пятнадцати метрах от склона. Когда самолеты на первом заходе сбросили бомбы, от пыли и дыма ничего не стало видно. В этот момент я решил понадежнее спрятаться в своем глубоком блиндаже. Но когда подбежал к тому месту, блиндажа уже не было. Вновь засвистели бомбы, пришлось прижаться к земле, стенка оврага еще раз обвалилась, но мы с одним солдатом успели отскочить в сторону и нас не засыпало. Когда я прижимался к земле в том месте, где раньше был наш блиндаж, показалось, что слышу стоны товарищей.

Улетели вражеские самолеты, пыль рассеялась, и мы увидели, что блиндаж засыпан полностью. Там были люди на глубине до двух метров, и мы начали раскапывать. Лопаты применять опасно – можно было нанести травмы людям. Вначале откопали девушку-санитарку.

Когда показались голова и плечи, попытались вытащить ее за ремни, вставленные под руки. Это не удалось, пришлось копать до пояса, и только после этого мы смогли ее вытащить. Далее показалась голова солдата, он тоже был жив, но только очистили от песка его голову, как снова налетели Юнкерсы. Пришлось его оставить и укрыться в ровиках в средней части оврага. Наконец, после окончания налета, мы вытащили и солдата из песка, он чувствовал себя плохо. Позже оказалось, что ему повредило мочевой пузырь и его пришлось отправить в санбат. Солдат нам сообщил, что на дне блиндажа спал политрук – старший лейтенант. В конце концов, мы откопали и его, но все наши попытки оживить старшего лейтенанта не удались.

В этот скорбный час в овраге погибло довольно много солдат и офицеров, их похоронило заживо. Рядом с нами засыпало песком два штаба каких-то военных частей. При этом погибло около двадцати офицеров. После такого трагического дня мы все покинули этот страшный овраг.

До 10 октября 1943 г. на нашем участке было более или менее спокойно. И вот в этот день немцы решили уничтожить наш плацдарм на правом берегу Днепра. Они предприняли бомбардировку, обстрел и фланговую атаку наших позиций, пустив вдоль фронта около двадцати танков, в том числе несколько «Тигров». Мы, артразведчики и связисты, заняли оборону вместе с пехотой. Стрельбой из автоматов нам удалось отсечь вражескую пехоту от танков. Наши орудия все время стреляли. Немецкие танки проходили в такой близости, что иногда опасно было в них стрелять – осколки от разорвавшихся снарядов летели в наших артиллеристов.

Большую помощь нам оказала артиллерия, находившаяся на левом берегу Днепра. Левобережная артиллерия открыла мощный

огонь по атакующему противнику из «Катюш» и тяжелых пушек калибром 152 миллиметра, один снаряд от которых весил пятьдесят килограммов.

Нашим артиллеристам и артиллеристам с левого берега удалось подбить и поджечь несколько немецких танков, в том числе и «Тигров», после чего немцы отступили, оставив на поле боя около двухсот убитых и раненых.

Вскоре мы сами перешли в наступление, прорвали оборону противника, освободили важный узел – город Пятихатку, и устремились на юг к Кривому Рогу и Кировограду. Развернулись тяжелые бои за освобождение Правобережной Украины.

Осенью 1943 г. за участие в боях по разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом я был награжден медалью «За оборону Сталинграда», а за успешные выполнения боевых приказов командования – медалью «За боевые заслуги». Медали были вручены мне перед строем командиром 1215-го артполка.

БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

Поздней осенью и в начале зимы 1943 г. развернулись ожесточенные кровопролитные бои за освобождение Правобережной Украины. Особенно мне запомнились дни окружения на подступах к Кривому Рогу и бой с немецкими танками на Кировоградском направлении.

Уже глубокой осенью на подступах к Кривому Рогу немецким войскам внезапным контрнаступлением удалось окружить значительную часть советских войск, в том числе и наш артдивизион. Нас почти ежедневно перебрасывали на самые опасные направления. Наконец, был получен приказ прибыть в село Верблюжку и занять там оборону.

Переезжали, как всегда, на крытых брезентом автомашинах с пушками и запасом снарядов. На подъезде к месту назначения увидели над селом целый рой немецких самолетов, из которых два отделились от общей массы и устремились на бреющем полете в нашу сторону. Машины остановились, мы быстро спрыгнули на землю и рассредоточились на кукурузном поле. Вражеские самолеты с двух заходов обстреляли из крупнокалиберных пулеметов людей и технику. После их исчезновения мы вернулись к машинам. К счастью, поврежден был только один баллон на одной автомашине.

Артдивизион прибыл в село и занял круговую оборону на основных дорогах, выходящих из населенного пункта. В селе было пустынно, не было ни наших, ни немецких войск. Гражданское население спряталось по погребам. Настала темная тревожная ночь, в селе не видно было ни огонька, даже лая собак не слышалось. Недалеко от села находился, как говорят украинцы, шлях. И мы отправились к нему в разведку втроем. Подползли через бурьян совсем близко к шляху. Оказалось, что по дороге в северном направлении движутся немецкие машины, артиллерия, пехота. Мы поняли, что оказались в окружении.

На другой день все опять было тихо. Группы немецких самолетов пролетали над нами, казалось, не замечая нас, летели бомбить наши войска где-то севернее. Командир нашего артдивизиона Ятир решил произвести разведку. Поехали на «Виллисе» – он, шофер и двое солдат. При выезде из села они вплотную повстречались с немецкой бронемашиной, которая в упор их расстреляла. Мы слышали выстрелы и поняли, что с нашей разведкой что-то случилось. Узнать послали меня и еще одного разведчика. Проявляя осторожность, перебегая от дома к дому, мы приблизились к последнему дому села, далее, где короткими перебежками, а где по-пластунски, поднялись на высотку за селом и увидели наш «Виллис». Подползли к машине – все наши товарищи, за исключением одного тяжелораненого,

были убиты. Немцы забрали радиостанцию, слили бензин из машины. Пришлось нам еще раз с большим риском сходить в село за шофером и прихватить канистру с бензином. Машина оказалась исправной, мы положили в нее раненого и убитых и возвратились на свои позиции. Убитых похоронили на площади в центре села.

Позже оказалось, что в окружение попал не только наш артполк, в соседних селах были еще артиллерийские подразделения, пехота и даже танки. Наше командование установило связь с другими окруженными частями и приняло решение выходить всем вместе одной колонной.

Сосредоточились вечером, никаких огней. С нами вместе выходило и много гражданского населения, они не хотели еще раз попасть под власть ненавистного врага. Двигались колонной, на дороге – автомашины, повозки, танки; шли слева и справа по полю, то забегая вперед, то несколько отставая. Проезжали по проселочным второстепенным дорогам, которые хорошо знали и показывали нам местные жители. В течение ночи наши танки дважды вступали в бой с немецкими, охраняя нашу колонну. Эти схватки были удачными, несколько немецких танков было подбито, наша колонна не пострадала. Мы, разведчики, ехали на штабной машине нашего артдивизиона. Проезжали такие крутые балки, что выехать из них машина могла только задним ходом. На узких участках дороги, например, на мостиках, были заторы, когда повозки сцеплялись друг с другом и загораживали нам дорогу.

Начало рассветать, а колонна ускоренным ходом продолжала продвигаться на север. Когда в нашей машине кончился бензин, пришлось ее расстрелять и поджечь вместе со штабными документами. Далее двигались то трусцой, то ускоренным шагом. Сзади началась интенсивная перестрелка – как выяснилось, поджимали немецкие танки и бронетранспортеры. Их задерживали наши танки. Хорошо,

что утро было пасмурное и не было немецкой авиации. Иначе нам пришлось бы плохо.

Наконец, перебежав по камням через речку Ингулец, оказались среди своих. Вышли из окружения без потерь, по пути даже уничтожив несколько немецких танков и захватив пленных.

А вот на Правобережной Украине мы потеряли нашего товарища Рязанова из Подмосковья. А случилось это так. В один из морозных солнечных дней в декабре 1943 г., мы втроем шли на свой НП, который был на чердаке дома в деревне Глубокая Балка. Половину деревни занимали наши войска, другую – немцы. Вдали на территории противника виднелась ветряная мельница, где, очевидно, был НП противника. Мы шли по тропинке один за другим и о чем-то оживленно разговаривали. Свистящий звук мины застал нас врасплох. Я, шедший впереди, и солдат, следующий за мной, упали на снег, третий солдат – Рязанов – не успел. Он закричал, что его ранило в руку. Фактически, как было установлено позже, осколок от мины вошел ему слева под грудь. До первого дома деревни было около пятидесяти метров, там были наши пехотинцы и их санчасть. Мы взяли санитарные носилки, закатили на них нашего товарища и донесли до санчасти. Он уже молчал. Появился военфельдшер, младший лейтенант, послушал сердце и сказал, что он уже мертв. Мы оставили Рязанова на земле возле дома, а сами побежали доложить о случившемся командиру дивизиона. Он сообщил, что дивизион должен срочно поменять место дислокации и дал нам указание поспешить с похоронами однополчанина.

У нас было очень мало времени. Возле скирды соломы оказался ровик глубиной примерно метр. С трудом мы втиснули туда тело, пришлось согнуть немного ноги. Притрусили его соломой, а сверху положили глыбы мерзлой почвы. Так закончил свой боевой путь разведчик-наблюдатель Рязанов из Подмосковья.

Наша артиллерийская бригада 76-миллиметровых пушек, в составе которой был и наш 1215-й артполк, входила в Резерв Высшего Главного Командования (РВГК) и поэтому часто перебрасывалась с одного участка фронта на другой – в район предполагаемого контрнаступления противника. Эти частые переброски были для нас очень утомительными.

В декабре 1943 г., в один из туманных морозных дней, мы заняли позиции юго-западнее села Кучеривка, примерно в 20-30 километрах от Кировограда. Утром начальник штаба нашего артдивизиона направил меня с разведчиком и связистом установить связь с пехотным батальоном, который мы должны были поддерживать огнем, а также для организации НП. Наши три батареи, состоящие из 12 орудий, были установлены на поле в 200-300 метрах от села. Мы прошли через эти батареи и по линии связи направились в нужный нам батальон. Пройдя полтора-два километра, вошли в небольшой перелесок, где расположились сорок-пятьдесят пехотинцев. У них узнали, что командир батальона рядом, на высотке. Оставив товарищем с пехотой, короткими перебежками я добрался до НП и доложил командиру батальона, зачем прибыл. Он спросил, не верхом ли прибыл? Нет, пешком. Тогда командир батальона сообщил, что нам вы уже не поможете, немцы сосредоточились для атаки. И показал на поле, где в тумане виднелись как бы копны сена. По словам командира, немецких танков с десантами там примерно пятьдесят. Тогда я принял решение срочно вернуться на свою батарею и предупредить командиров о надвигающейся танковой атаке немцев.

Когда мы бежали к батареям, поле перед ними уже минировали наши солдаты, а сразу за минным полем стояли наши пушки. Возле них были выкопаны ровики, в которых находились солдаты, обслуживающие орудия. Я доложил командирам батарей обстановку. Меня и

двух моих товарищей оставили возле батарей, и не успели мы перехватить, как появились немецкие танки – они двигались прямо на нас. Впереди была небольшая лощина, где немецкие танки остановились таким образом, чтобы видна была только их верхняя часть. Последовала команда: «Расчет – к орудию!». При этой команде, несмотря на стрельбу из пулеметов и артобстрел, расчет должен быть у орудия и вести огонь. Началась дуэль между танками и нашими батареями. В течение короткого времени наши артиллеристы подбили и подожгли с десяток танков противника. Немцы, в свою очередь, разбили все наши двенадцать орудий и убили примерно половину личного состава. Нам пришлось отступить и занять оборону на окраине села Кучеривка. Лежали вместе с пехотой на снегу возле домов, сараев. Но немцев в село не пустили!

С наступлением сумерек нас, артиллеристов, собрали и отвели в тыл. В этом бою мы преградили путь немцам, но и сами пострадали сильно – потеряли все орудия и половину личного состава артдивизиона. После этого командование вывело нас на формирование для пополнения людьми и оснащения новой техникой. В селе Орлова Балка, вблизи города Знаменка, наше отделение расположилось в одной из сельских хат. Спали мы на полу рядом друг с другом, постелив солому и рядно. Днем занимались изучением различных военных уставов, строевой подготовкой, была организована политучеба.

7 января 1944 г. советские войска освободили город Кировоград. Нас направили на поле боя за Кучеривку. Мы собрали и похоронили убитых солдат там же, на поле, а офицеров привезли好好нить в село Орлова Балка. На похоронах дали салют из карабинов.

После получения пополнения и пушек, 1215-й артполк был переброшен в город Умань, а затем в район станции Христиновка, где 1 марта 1944 г. мы участвовали в прорыве немецкой обороны. Запомнилась большая распутица – в окопах вода, все шинели в глине.

Немцы, отступая, бросили застрявшие в грязи автомашины, пушки и другую технику.

После прорыва фронта советские войска, а с ними и наш артполк, двигались без боев по маршруту: Гайсин – Тульчин – Томашполь – Ямполь (Украина) – Сороки – Бельцы – Фалешти – Унгены (Молдавия). И вот мы на Государственной границе СССР!

ПОД ЯССАМИ В РУМЫНИИ

В конце марта 1944 г. войска 2-го Украинского фронта перешли Государственную границу СССР, расположенную по реке Прут, и приступили к освобождению Румынии. Солнце уже начало заметно пригревать, снега не было, появилась первая зелень и подснежники, но на нас была еще зимняя форма, то есть шинели и шапки-ушанки.

Когда мы, артиллеристы, прибыли к государственной границе, наша пехота заняла на вражеском берегу плацдарм шириной пять-семь километров и глубиной один-три километра. Плацдарм находился примерно в двадцати километрах от большого румынского города Яссы. Через Прут мы переехали по наплавному мосту, сооруженному саперами. Переправу немцы бомбили по нескольку раз в день, иногда разбивали, но саперы мост вновь восстанавливали. Нам повезло – проскочили, когда немецких самолетов не было.

Прут – река быстрая, вода в нее стекает с гор и поэтому очень холодная. Позже я реку Прут переплывал в том месте, где ширина была 50-75 метров, и течением меня снесло, примерно на сто метров, при всем моем старании плыть прямо к берегу. Сразу же за Прутом шла пойма шириной около полутора километров, далее высоты, а под ними небольшая речка Жижия. На высотках небольшое село Скулены, рядом с ним монастырь. Между реками Жижия и Прут, в пойме, располагалось другое большое румынское село.

Мы установили орудия и оборудовали НП на западной окраине деревни Скулены. Наших войск в деревне, когда мы прибыли, почти не было. Деревня Скулены – небольшая, дома из глины по типу украинских мазанок, окон, таких, как принято считать у нас, у них нет, а вместо окон прямо в стену вмазаны стекла. Труб эти дома не имеют (говорили, что в королевской Румынии за трубу был особый налог) и поэтому дым из печки направлялся под крышу дома.

На другой день после нашего прибытия перед группой солдат в количестве шести человек, во главе с командиром батареи лейтенантом Васильевым, была поставлена задача: установить связь с пехотным батальоном, который наш артдивизион должен будет поддержать огнем.

Утро 1 апреля было ясным, а потом с Карпатских гор появились тяжелые облака и пошел сплошной снег. Видимость – не более 50 метров. Мы взяли в руки телефонный провод, чтобы по нему найти батальон, и отправились. Шли балкой. Пройдя три-четыре километра, сквозь снег увидели дома и группу солдат возле них. Оказалось, что это солдаты нужного нам батальона. Мы обрадовались, что нашли своих, договорились, что вскоре протянем к ним связь и организуем рядом с командным пунктом батальона свой НП. Выполнив задание, решили походить по румынской деревне и найти что-нибудь поесть. Думали также, что неплохо было бы достать и табаку. Как оказалось позже это был очень рискованный шаг, приведший в итоге к трагической гибели двух наших товарищей.

Пройдя по улице пустынного села 50-100 метров (а оно, как потом выяснилось, называлось Кырлигул и было занято немецкими и румынскими войсками), мы решили зайти в один из домов. Войдя в шинелях и шапках со звездами, все в снегу, увидели, что дом полон людей. Очевидно, гражданское население узнало, что в селе советские солдаты, и со страху со всей улицы они собрались в одном доме.

Это были женщины, старики и дети. Наверно, их очень пугали приходом советской армии. При виде нас они все встали и подняли руки. Даже маленькие дети трех-четырех лет, глядя на взрослых, тоже подняли ручонки. Мы, как умели, не зная румынского языка, на пальцах показали им, что ничего плохого им не сделаем. Видя, что в этом доме нам не удастся поесть, мы направились в противоположный, через улицу, дом, значительно меньший первого. За нами увязалась женщина средних лет. Из ее жестов мы поняли, что она там хозяйка. В доме никого не было, горела печь, на ее плите готовилась какая-то пища. Мы, опять на пальцах, объяснили хозяйке, что хотим есть. Она налила нам супу с зеленью и дала по куску студенистой мамалыги. Один из солдат попросил ее самой попробовать суп (нас предупреждали, что во вражеских странах возможны случаи отравления советских солдат). Она поняла, стала креститься и попробовала суп.

После обеда настроение у нас поднялось и мы решили попытаться найти табак. Прошли еще сто шагов по сельской улице. Все было тихо и пустынно. Снег продолжал идти. Зашли мы в третий дом. Маленькая прихожая, входная дверь прямо с улицы, а вторая дверь, как потом выяснилось, вела в большую комнату, но неотапливаемую. В стенах два стекла – одно возле двери, второе на соседней стенке. В комнате были старик, старуха, девушка. Вскоре зашла молодая женщина и стала возле двери, как бы ее загораживая! Мы начали шутить с девушкой и молодицей и пытались выпросить у старика табак. Вскоре снаружи послышались мужские голоса. Я на секунду приоткрыл дверь – напротив несколько вражеских солдат. Дверь моментально захлопнул и сказал товарищам: «Немцы!». Мы на какое-то время растерялись, а когда пришли в себя, румын с нами уже не было. Они все выскочили через дверь в холодную комнату. Немцы прямо через дверь в упор стреляли в нас из карабинов. Летели щепки, появлялось все больше пулевых отверстий. В это время

двоих наших ранило, но легко – одного в руку, другого в ногу. Мы приняли решение выскочить на улицу через входную дверь и попробовать пробиться к своей пехоте, которая располагалась на краю села. Успели выскочить двое – лейтенант Васильев и разведчик Пьянзин. Сразу поднялась такая стрельба, что мы не посмели последовать их примеру. Решили пробиваться через соседнюю, летнюю комнату. Пробежали, выбили стекла и один за другим выпрыгнули в окно. Затем помчались по винограднику в том направлении, где была наша пехота. На бегу, краем глаза, я видел, что в неотапливаемой комнате молодые женщины прятались за печь, старик и старуха в стороне ползали по полу. На улице возле окна на спине лежал наш лейтенант, в руке пистолет, шапка откатилась в сторону, сбоку на ремешке планшет. Миши Пьянзина здесь не было, возможно, его убили или ранили с другой стороны дома.

Нам, бегущим, немцы открыли в спину беспорядочный огонь, но, к счастью, не попали. С ходу мы преодолевали высокие заборы и шпалеры виноградников. Наконец, благополучно добрались до нашего пехотного батальона, доложили обстановку. Оказалось, что пока мы находились в селе, к пехоте вышло трое румынских солдат. Они были без оружия, потому что чувствовали себя здесь как дома. Пехотинцы взяли их в плен. После нашего доклада командир батальона, в котором было примерно 70 солдат, принял решение уйти из села. Мы направились с ними.

Пурга продолжалась. Пехота заняла позиции в поле и стала зарываться в землю. Нам надо было возвращаться в штаб дивизиона и сообщить о текущей обстановке и наших потерях.

Опять по балке направились в село Скулены. Дорогой раненые, потерявшие кровь, стали уставать, и мы продвигались с трудом. Наконец, встретили свою полевую кухню на конной тяге, посадили на

нее раненых и возвратились в село. Так неудачно и трагично кончилась наша разведка в село Кырлигул 1 апреля 1944 года.

Однажды в Румынии противник засек наш НП. Мы были сами виноваты. В теплый весенний день расположились на кургане, окопы вырыли позади кургана. Лежим и в бинокли рассматриваем немецкий передний край. Сначала вражеский снаряд не долетел до нас метров пятьдесят, второй – перелетел на такое же расстояние. Я дал ребятам команду «срочно в окопы». Мы вовремя покинули курган, так как третий снаряд угодил точно в него. Пришлось место расположения НП поменять. В другом случае, когда нас немцы обнаружили, снаряд попал в окоп, в котором находился радиостанция. Пришлось радиостанцию списать, а радиста похоронить прямо в этом же окопе.

За годы войны мне многократно приходилось быть под бомбежкой: на родине в Алексине Тульской области, в Москве в 1942 году, в железнодорожных составах, в населенных пунктах и на поле. И надо признать, что самое безопасное место при бомбежке – это когда ты в чистом поле и находишься в окопе.

Вспоминается работа нашей артиллерийской батареи в Румынии. Семь «Юнкерсов» налетели днем, никто им не мешал, так как советских зениток не было. Вражеские самолеты зашли со стороны солнца, стали пикировать почти до самой земли и сбрасывать бомбы. Хорошо было видно немецких летчиков. Мы, в свою очередь, стреляли в них из карабинов, но, очевидно, не попали. Вся площадь вокруг батареи покрылась воронками, но примерно из пятидесяти человек, находящихся на батарее, включая и нас, разведчиков, контузило только одного. У него из ушей и носа потекла кровь, но он шел сам, поддерживаемый двумя сослуживцами.

Я видел солдата, окоп которого уцелел на краю воронки от авиабомбы. Воронка была глубиной около пяти метров, солдат сидел после бомбежки на краю своего окопа и счастливо улыбался.

После нашего вступления в Румынию самолеты противника сбрасывали листовки на русском языке, в которых говорилось: «Зачем вы, советские солдаты, освободив свою территорию, воюете за рубежом, вы все найдете могилы на чужой земле». Но мы знали, зачем пришли в европейские страны – освободить народы Европы от фашистского гнета и добить врага в его собственной берлоге.

В начале июня 1944 г. нам стало известно, что немцы и румыны готовят наступление с целью ликвидации плацдарма на правом берегу Прута. Это стало понятно и из наших наблюдений. С НП просматривался участок дороги из Ясс к линии фронта. Если раньше, ведя наблюдение, я отмечал за час 4-5 машин, проходящих по дороге, то в дни, предшествующие наступлению, их было уже 200-250. Стало ясно, что враг в срочном порядке подвозит к переднему краю своей обороны различное военное снаряжение.

Пехота захватила «языка», который подтвердил, что действительно ожидается наступление противника. Пленный также сообщил, что на фронт приезжала королева Румынии Елена, которая выступала перед войсками для их воодушевления и призывала солдат отбросить советскую армию за Прут. Другие пленные нам рассказали, что они уже получили для наступления сухой паек и вино. Стало ясно, что со дня на день начнутся жаркие бои.

Наступление вражеских войск началось с массированной бомбардировки наших огневых позиций. Немецкие самолеты «Юнкерс-88» шли партиями по несколько десятков штук, бросая бомбы с большой высоты по всей площади дислокации. Вскоре началась часовая артподготовка, появились пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87», сбрасывающие бомбовый груз непосредственно на передний край нашей обороны.

Наконец, заработали наши зенитки, а позже появились и наши истребители. Завязался воздушный бой.

Немцы сбрасывали на нас не только обычные бомбы, но и специальные, для поражения пехоты. Корпус такой бомбы состоит из двух створок, они раскрываются в воздухе, изнутри выбрасываются во все стороны мелкие взрывные устройства в виде гранат, которые, разрываясь при ударе о землю, поражают сплошь большую площадь.

Недалеко от нашего НП упал немецкий самолет, летчик приземлился на парашюте. Солдаты схватили его и от души отлупили. Немецкие самолеты в течение всего летнего дня налетали на пехоту и артиллерийские батареи, стоящие на прямой наводке, примерно, шесть-семь раз.

Вскоре, после утренней артподготовки, начались и танковые атаки противника. Они выходили из укрытия группой в сто машин. При появлении немецких танков вся наша артиллерия обрушивала на них огонь. У нас заранее все участки фронта противника были пристреляны и обозначены «реперами». Например, репер № 1 – лощина, репер № 2 – опушка леса и т.д. Если немецкие танки появлялись на опушке леса, давалась команда «Репер № 2, полком (или дивизионом) столько-то снарядов, беглый огонь». Получив такой приказ, артполк или артдивизион в быстром темпе выпускал столько-то снарядов. Если учесть, что на данном участке фронта была не только наша часть, а еще несколько, можно представить себе, сколько металла и взрывчатки попадало на обозначенный репер.

После наших залпов все, что входило в обстреливаемую зону, скрывалось в дыму и пыли. После рассеивания было видно несколько горящих танков, остальные отступали на скрытые исходные позиции. Танковые атаки противника в течение дня повторялись по несколько раз. Расположенная впереди пехота не выдержала и начала отступать, отошел и наш, зарытый в землю танк. Но разведчики остановили отступавшую пехоту, за что один из них был позже награжден медалью «За отвагу».

Эти тяжелые бои продолжались три-четыре дня. Противнику удалось вклиниваться в нашу оборону на левом фланге и углубиться в нее на 3-4 километра. Ночью нас перебросили к месту прорыва немцев, чтобы мы заняли новые позиции. Не успели установить орудия и оборудовать НП, как опять рассвело, и бой продолжился.

Все эти дни мы практически ничего не ели и не спали, только следили за боем и непрерывно курили. Интересно было наблюдать за контратакой наших танков. Они, в отличие от немецких, шли в атаку на полной скорости, оставляя за собой шлейф пыли. Вражеские самолеты пытались, пикируя, подбить наши танки, много было американских танков «Валент», которые уступали советским Т-34 как по прочности брони, так и по огневой мощи.

Но вечером и ночью на поле боя горели и немецкие, и наши танки. Я никогда не думал, что танк может так гореть: пылало горючее, внутренняя обшивка, масло, взрывались снаряды. У некоторых танков при взрыве отлетали башни.

Следующий день не принес спокойствия, немцы продолжали наступать. В этот день меня контузило. А случилось это так. По ходу сообщения мне надо было пройти к солдату из соседней части, чтобы прикурить, так как спичек у нас не было. Когда наклонился к «козьей ножке» в его руке, в бруствер окопа, примерно в метре от наших голов, попал снаряд. Солдата убило, а у меня сорвало пилотку и исцарапало голову песком. На некоторое время я потерял сознание, после появилась головная боль и тошнота.

В это время немецкие танки и пехота стали слева и справа обходить наш НП, появилась опасность окружения. Пришлось по радио запросить в штабе дивизиона разрешение отойти. Разрешение было получено, и мы по траншеям и ходам сообщения отошли к своему штабу.

На четвертый день немцы выдохлись и дальше к Пруту не прошли. Как выяснилось после боя, наш полк в этом бою потерял много пушек и людей. Бои в Румынии под Яссами были очень кровопролитными и Совинформбюро сообщало об этом примерно так: «В районе города Яссы наши войска ведут тяжелые оборонительные бои с перешедшим в наступление противником. Ценой больших потерь противнику удалось вклиниваться на 3-5 километров в нашу оборону». На этих «клиниках» немецких атак дрался и наш 1215-й артиллерийский полк.

Вскоре нас вывели в Бессарабию на переформировку, а меня после контузии направили в медсанбат при штабе II артдивизии.

ЧЕРЕЗ РУМЫНИЮ И ВЕНГРИЮ – В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

После контузии меня направили на три недели в медсанбат, который находился на территории Молдавии. После боев под Яссами наш 1215-й артполк отвели в тыл примерно на 10-15 километров и после лечения я в него вернулся. Землянки мы оборудовали себе сами. В середине было углубление (проход), влево и вправо от него – ровные площадки вроде нар, на которых мы, солдаты отделения разведки (примерно десять человек), спали ногами к проходу. Наша часть находилась на румынской территории, гражданское население из фронтовой полосы эвакуировали.

Дни в тылу проходили не в бездействии, а в бесконечных занятиях. Подъем в 5 утра, с 12 до 15 часов отдых, так как в этот промежуток дня была самая жара, отбой – в 23 часа.

20 августа началась Ясско-Кишиневская операция. Через нас волнами шли советские эскадрильи самолетов для бомбейки позиций противника. Близко слышалась мощная канонада. Вскоре фронт

немецко-румынских войск был прорван и противник начал быстро отходить. Вместе с фронтом двинулись и мы. Мне приходилось осматривать долговременную оборону противника, покинутую под натиском наших войск. Поражали глубинные укрытия с накатом из бревен в десять слоев. В результате разгрома советской армией фашистских войск в Ясско-Кишиневской операции и начавшегося освобождения Румынии трудящиеся страны свергли в ходе народного вооруженного восстания военно-фашистскую диктатуру, и 24 августа 1944 г. Румыния выступила уже против фашистской Германии.

Наш артполк получил задание собрать и доставить в определенное место трофеиные орудия, брошенные противником при отступлении. Для решения поставленной задачи пришлось мобилизовать гражданское население с волами. Каждое орудие тянула упряжка из шести волов, мы сопровождали колонну. Жара, медленно шагающие животные, погонщики-румыны, в основном старики. И так в течение, примерно, двух-трех недель. Мое положение усугублялось тем, что я заболел малярией, приступы лихорадки следовали через день. Температура в этот момент подскакивала до 40°, а после нее был такой озноб, что зуб на зуб не попадал. У меня пропал аппетит, появилась слабость. Часто приходилось ехать на лафете орудия, так как идти не было сил. Ночевали в румынских деревнях и были случаиочных нападений немецких солдат, рассеянных по лесам после Ясско-Кишиневского наступления. Тогда приходилось отстреливаться, и немцы быстро отступали в леса.

Сдали трофеиные орудия, отпустили румынских дедов, чему они были очень рады. Фронт уже откатился без боев за Карпаты, и мы устремились догонять свою II артдивизию. Ехали сначала на машинах, потом на конных повозках. Румынию мы пересекли по маршруту: Яссы – Бакэу – Бузэу – Плоешти – Брашов – Сибиу – Турда –

Клуж. Между Плоешти и Брашовым по перевалу перешли через Карпаты. В Карпатах издалека я видел королевский охотничий замок. Брашов просматривался внизу, к нему дорога шла вниз серпантином.

Города, через которые мы проезжали, от войны не пострадали, сохранились даже магазины и винные склады. С питанием у нас было хорошо. Население Румынии к советским солдатам относилось в целом доброжелательно. Запомнился спуск к городу Клуж. На двух повозках солдаты не смогли удержать лошадей, которые понеслись вразнос. Седоки стали выпрыгивать из повозок на ходу. На повороте повозки скатились в кювет, переломав лошадям ноги. Пришлось животных пристрелить.

В это время на территории Венгрии развернулись тяжелые бои с немецко-венгерскими войсками. Из Клужа наша часть переместилась в город Дебрецен – второй по величине город Венгрии. Там мы пробыли около трех недель, здесь же встречали 27-ю годовщину Октября. Жили на окраине города в одноэтажном доме, хозяева которого отсутствовали – может быть, ушли с немцами. Где-то все-таки остались жители, в основном старики и женщины. В некоторых домах приходилось встречать наспех брошенную военную одежду, которую оставляли венгерские солдаты и офицеры, дезертирующие из своей армии.

В Дебрецене мы получили, наконец, новые пушки и выступили к фронту в направлении реки Тиссы. Покидали этот город пешим строем, шли по улицам с готической архитектурой. Через Тиссу переправились по наплавному мосту, стали во второй эшелон обороны на окраине венгерского города Егер и ждали контрнаступления немецко-венгерских войск. Однако немецких атак не последовало. Переместившись на север, заняли позиции возле промышленного города Мишкольц. За Мишкольцем начиналась Чехословакия. В подразделениях проводились занятия и беседы, на которых отмечалось, что

советская армия вступает на территорию дружественной нам страны, поэтому наши солдаты должны вести себя достойно. Даже корм для лошадей мы должны брать только с разрешения местных жителей.

На территорию Чехословакии мы вступили зимой, было достаточно холодно. Начались бои в округе Римавска-Собота, далее про двинулись в округи Лученец и Зволен – это южная часть Среднесловацкого края.

В Римавска-Соботе наш НП мы оборудовали на колокольне католического костела. Немцы подвергли деревню сильному артобстрелу, но в костел не попали. В этом же округе запомнился артобстрел из пушки крупного калибра «Берта». Мы укрывались в погребе одного из домов вместе с гражданским населением. Вес одного снаряда такой пушки был около 500 килограмм. Налет сопровождался специфическим воющим звуком и при прямом попадании в дом снаряд разрушал его полностью.

Следующий НП был на горе против города Лученец. С горы хорошо просматривались все улицы города, движущиеся по ним автомобили и самоходные орудия противника. После короткого боя немцы бежали из Лученца и далее наш путь лежал в сторону города Зволен. На пути от Лученца до Зволена бои шли в основном по дороге через долину, между гор. Чтобы задержать наше наступление, немцы делали завалы, для чего спиливали и валили на дорогу огромные деревья, а кроме того, минировали ее. В районе села Подкришань, на перевале, немцы загнали в туннель состав и взорвали его с двух сторон. Наш НП находился на склоне горы, как раз возле взорванного туннеля. Была видна долина реки Грон, за ней руины замка Виглаш, справа большое село Детва.

Вражеские силы укрепились в руинах замка Виглаш и вели по нашим наступающим войскам прицельный огонь. Часто из укрытия

выходили их самоходные орудия и обстреливали наши позиции. Погода больше была пасмурной и немецкая авиация не показывалась. Не наблюдалось здесь и наших самолетов. Словаки встречали советских солдат очень хорошо, угощали, чем могли. Мы общались, ведь язык их оказался в целом схож с русским. В деревнях и на дорогах приходилось часто встречать чехословацких партизан, на шапках которых имелись красные полоски.

Перед рекой Грон наш НП располагался в боевых порядках пехоты, впереди были только немцы. Вместе с советскими войсками шли румынские. Мне приходилось много беседовать с румынским офицером, который два года воевал в нашей стране и неплохо знал русский язык.

Отступая, немцы группой в 50-70 солдат пытались взорвать мост через реку Грон, наши батареи открыли огонь. Противник, оставив несколько человек убитыми, бежал. Мост через реку уцелел.

В руинах замка Виглаш немцы создали большой укрепленный узел, который господствовал над окружающей местностью и контролировал дорогу к городу Зволену. В замке засело несколько снайперов, которые не позволяли нам даже поднять голову. Пришлось ночью подтянуть орудия к пехоте и поставить их на прямую наводку. С рассветом начали обстрел замка. Требуемого эффекта артиллерийским обстрелом не достигли. Как потом выяснилось, немецкие пулеметчики и снайперы засели не в самом замке, а в окопах на склоне ниже его.

Начался штурм для освобождения Зволена. Наши орудия все-таки подавили огневые точки противника и пехота в полный рост с криками «Ура!» устремилась вперед. Пули долетали и до нашего НП. С него хорошо было видно быстрое продвижение нашей пехоты. Находящаяся на левом фланге румынская дивизия наступала значи-

тельно медленнее и отставала. Вскоре пехота достигла окраин Зволена и мы свой НП перевели в деревню Словенская Златка, примыкающую к городу. Гражданского населения в деревне не было, но, видимо, далеко жители не ушли – в хлевах оставались скот и куры. 14 марта 1945 г. наша пехота при поддержке артиллерии выбила немецко-фашистские войска из города. Как выяснилось позже, в боях за освобождение Зволена и его окрестностей советские войска потеряли 17 тысяч солдат и офицеров.

На следующий день мне предложили продолжить свое военное образование в артиллерийском военном училище. Я дал согласие. Мне предложили сдать приборы, оружие и направили в штаб II артдивизии, который находился в селе Детва, примерно в десяти километрах от линии фронта.

И вот я на пути в тыл, без оружия. Трудно описать чувства, испытанные в тот момент. Грусть прощания с боевыми друзьями, с которыми прошел через все трудности войны, где не раз мы вместе смотрели смерти в глаза, и теряли товарищев. Вместе с тем было чувство радости, что для меня заканчивается ад войны и скоро я окажусь на Родине. Это чувство радости все больше возрастало с каждым шагом удаления от фронта. Война для меня осталась позади.

Как ответить на вопрос, что такое война? Наверное, так: война – это тяжелый ратный труд, это кровь и пот. Без выходных и отгулов, не зная дня и ночи, в антисанитарных условиях, когда годами приходилось спать в верхней одежде, а подчас – не снимая сапог и шинели, не каждый день умываться, неделями и даже месяцами не мыться, о чистке зубов не могло быть и речи. Это труд без регулярного питания, когда часто испытываешь голод или принимаешь только холодную пищу. Приходилось по несколько ночей не спать, спать на голой земле или в лучшем случае на ветках, неделями ходить с мокрыми ногами, в насквозь промокшой шинели, примерзать к земле. Это труд

в опаснейших условиях при почти ежедневных артобстрелах и бомбежках, где надо противостоять массированным танковым атакам, в самые напряженные минуты выкуривать махорки по несколько «козьих ножек». Труд, при котором человека может в любую минуту искалечить или убить. Приходилось переносить огромные физические перегрузки при наступлениях и отступлениях, при подготовке в короткое ночное время окопов, землянок, ходов сообщения. И мы только удивлялись, какой же резерв жизнедеятельности заложен природой в человеческом организме и какое напряжение он может выдержать! И, несмотря на тяжелейшие фронтовые условия, за все годы войны мы не знали ни гриппов, ни ОРЗ. Очевидно, стойкость организма к болезням объясняется большим нервным напряжением, которое постоянно было на передовой. Однако в нашей фронтовой жизни были и просветы, не все дни только обстрелы и бомбежки. У меня, например, было четыре перерыва: ожидание железнодорожных составов под Сталинградом для отправки под Харьков, полковая школа при штабе дивизии, две формирования после ожесточенных боев, когда необходимо было ждать пополнения людьми, новыми орудиями и техникой.

Были ли радости на фронте? Конечно, были. Прежде всего, это радость победы, радость встречи с нашими советскими людьми после их освобождения от фашистской неволи, чувство гордости за нашу Родину и великий советский народ. За одно только это стоило жить и переносить все трудности и лишения! Были и трофеи, временами – изобилие всяких продуктов, радость от получения писем из дома.

ДОМОЙ, НА РОДИНУ

В штабе II артдивизии я встретил еще несколько солдат и сержантов, которых направляли в военное училище. Вскоре мы прибыли в штаб армии, а затем и в штаб 2-го Украинского фронта, который находился на территории Венгрии. Жили в крупном селе, сдавали экзамены по русскому языку и математике. Некоторых отправили обратно в их части, так как образование у них было недостаточное для военного училища. Я, конечно, сдал все экзамены хорошо, поэтому был оставлен. Отобрали у некоторых оружие, которое они хотели провезти в СССР, а также трофеи. В этом селе мне запомнился Крестный ход вокруг костела, верующие были со свечами, иконами и хоругвями. Может быть, католики так отмечали Пасху? При строевой подготовке мы пели песни собственного сочинения, зачастую с довольно «солеными» словцами. Смеяясь, думали, что венгерское население все равно ничего не понимает.

Наконец, для нас подали товарный состав с теплушками. В каждом вагоне в два яруса нары, посередине – железная печь. В каждый вагон распределили по 40 человек. Санчасть, штаб и хозчасть разместили в отдельных вагонах. Мы тронулись в сторону России. Это было, примерно, в конце марта 1945 года.

Ехали по тем же местам, где и наступали, то есть через Венгрию и Румынию. И вот, наконец, станция Унгены – это уже Родина! Здесь пересели в поезд, стоявший на широкой колее. Двигались через Винницу, Киев, Бахмач, Конотоп, Курск, Воронеж, Грязи, Тамбов, Ртищево, Саратов. Мы направлялись в Сталинградское артиллерийское училище, но дорогой выяснилось, что в Сталинграде все разрушено, восстановить не успели и поэтому принять не могут. В итоге нас направили в Ростов-на-Дону.

В Саратове мы пересекли Волгу и устремились на юг через Красный Кут и Харабали к Астрахани. В Астрахани опять переехали на правый берег Волги. Далее наш маршрут следовал через Кизляр, Моздок, Минеральные Воды, Армавир. В Ростов-на-Дону прибыли в апреле 1945-го, разместились, а нас было около 1200 человек, в казармах на окраине города, напротив Института железнодорожного транспорта.

В мае, когда закончилась война, наше артиллерийское училище участвовало в Параде Победы в городе Ростове. Мы промаршировали по главной улице – им. Энгельса, а принимали парад у здания театра. По такому случаю мы получили новое обмундирование, американское, цвета хаки.

Далее пошли будничные дни учебы. В учебном дивизионе, куда я попал, все спали в одной огромной комнате, нас было около ста человек. Утром подъем, гимнастика, завтрак, развод на занятия под духовой оркестр, весь день учеба и только вечером 1-1,5 часа свободного времени. Наша территория была ограждена двухметровым кирпичным забором с колючей проволокой наверху. В проходной дежурили обычно нерусские, которые отличались особой строгостью. Однако некоторые солдаты удирали все-таки на ночь в город в самоволку. Для этого делали под забором подкопы, а чтобы дневальный в казарме не заметил их отсутствия, они под одеяло клали свернутые шинели. Были иочные «Тревоги» – тогда нарушители попадались.

В сентябре окончилась война с Японией и вся Вторая мировая война. Меня начала обуревать тоска по Москве и родным, ведь с тех пор, как покинул дом, прошло уже почти три года. Да, честно говоря, и уклад военной жизни мне все больше и больше претил.

И вот Указ Президиума Верховного Совета СССР о первой демобилизации. Я подпадал под него как студент второго курса института. Написал письмо в свой МИМЭСХ, где учился до армии, с просьбой

прислать мне справку. И когда деканат это сделал, сразу подал рапорт с просьбой отпустить меня на учебу в институт, из которого был призван в армию. Рапорт приняли, но сразу домой не отпустили. Заменили погоны курсанта на обычные и направили в ББО – батальон боевого обеспечения, что-то вроде хозвзвода. Далее меня направили охранником и рабочим в подсобное хозяйство училища, это примерно 40 километров на северо-запад от Ростова. Работая там, со дня на день ждал приказ о демобилизации. Наконец, меня вызвали в Ростов, выдали документы и аттестат на питание.

И вот настал момент, когда я вышел через проходную в город, на свободную улицу. Я могу идти, куда хочу – как это здорово! Когда подошел трамвай, забрался на «колбасу» и поехал к вокзалу, где с трудом мне удалось попасть в дополнительный эшелон до Москвы. В товарном вагоне не на что было даже сесть. Однако все равно поехал, столь большое желание было скорее попасть домой. Потом достали ящики, чтобы сидеть, и так ехали до Москвы более двух суток. На Казанский вокзал прибыл вечером, сел на трамвай № 50 и поехал домой, в Тимирязевскую академию. Было уже достаточно холодно, через стекло трамвая ничего не видно. Я так расчувствовался, что проехал свою остановку «Райсовет», где жили моя мама и брат.

Более трех лет я не был дома и вот 30 ноября 1945 года вернулся. Радости встречи не было конца! Вскоре продолжил учебу на втором курсе института, стены которого покинул три года назад.

9 мая 1985г.
Григорий

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В заключение хочется немного подробнее рассказать о жизни человека, оставившего нам свои воспоминания об одном из самых суровых периодов своей жизни.

Глеб Борисович Климов родился 27 июня 1924 года в г. Алексин Тульской области. Город Алексин расположен на берегах реки Оки в 90 км от Москвы, до революции являлся центром Алексинского уезда Тульской губернии. Отец его – Климов Борис Георгиевич – был родом из мещан Алексина, мать – Бабкина Александра Сергеевна – из мелкого купечества (по семейным воспоминаниям, окончила два курса гимназии).

Сведений о более ранних предках семьи Климовых у нас не имеется. В прежние времена, возможно, не было у людей возможности документировать историю своих прадедов либо за прошедшие войны и революции не сохранились документы и письма, по которым можно было бы восстановить какие-либо сведения о семье. Имеется один семейный снимок, предположительно, сделанный в начале XX века, где между отцом и матерью в центре сидит Борис Климов, будущий отец Г.Б. Климова, стоят его старшие сестры. В семье Бориса Георгиевича и Александры Сергеевны родились двое сыновей: старший, названный по имени отца тоже Борисом, и младший – Глеб.

Сыновья Бориса Георгиевича перед войной окончили среднюю школу, что в те годы было нечастью явлением. Старший сын Борис поступил в Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства (МИМЭСХ) на факультет электрификации, а младший, Глеб, успел только окончить школу – выпускной вечер не состоялся, началась война.

Семья проживала в г. Алексин до начала Великой Отечественной войны, затем переехала в Москву, где уже учился старший брат, а младший только поступил на 1 курс МИМЭСХ по специальности «инженер-механик».

Можно считать большим чудом историю переезда семьи в Москву. После начала войны немецкие войска наступали очень быстро – к осени Алексин оказался в оккупации. Затем случилась фантастическая история: Глебу с матерью удалось выбраться из оккупированного города и практически без документов доехать до Москвы в кабине боевого самолета, транспортируемого на ремонтный завод. В Москве они поселились в квартире своей родственницы Ольги, сестры матери, о которой Глеб сохранил самые теплые воспоминания.

Со 2-го курса института в 1942 году Глеб Борисович был призван в действующую армию (старший сын Борис получил освобождение от военной службы по здоровью) и попал в самое настоящееклопо – Сталинградское сражение, в котором сумел выжить без тяжелых ранений, была лишь контузия от разорвавшегося рядом снаряда. Воспоминания об этом периоде своей жизни он написал спустя много лет после окончания войны, когда боль от пережитых страданий немного улеглась. Как и другие фронтовики, он не хотел делиться своими воспоминаниями, хотя мы с братом, будучи детьми, часто просили его рассказать о войне.

После войны Глеб Борисович вернулся в институт, с отличием его окончил, женился на студентке того же института Евгении Кольберг, которая была родом из Смоленска. Местом будущей работы они с женой выбрали Прибалтику, местечко Приекуле, недалеко от города Цесис в Латвии. Здесь находилась старейшая в Прибалтике машиноиспытательная станция (МИС), где молодые специалисты овладевали тонкостями профессии и искусством общения с людьми. В Приекуле молодая семья прожила несколько лет, родились дети: дочь Наталья – в 1950 г., сын Олег – в 1952 г. Молодая семья хорошо прижилась на МИС, дружба и переписка с латышами продолжалась спустя много лет после их отъезда вплоть до развала Советского Союза.

В 1954 году Глеб Борисович получил новое назначение – главным инженером на машиноиспытательную станцию в поселке городского типа Базенчук (в то время – Куйбышевская область). Он расположена в степи, деревьев почти нет, дома зимой по самую крышу заносит снегом, летом вся растительность вянет от зноя. Очень суровое место по сравнению с Приекуле. Здесь семья прожила чуть более года.

Затем Глеб Борисович через однокашника по институту Г.А. Ларюхина получил предложение поступить в аспирантуру при НИИ лесоводства и механизации лесного хозяйства (ВНИИЛМ), расположенному в городе Пушкино Московской области. Успешно сдал вступительные экзамены, начал учиться. Семья не захотела быть разделенной и переехала в Пушкино, хотя в первое время жить было негде. Снимали жилье в частном секторе, жили некоторое время в общежитии для аспирантов. Позднее, после окончания аспирантуры и поступления во ВНИИЛМ на должность младшего научного сотрудника, Глебу Борисовичу с семьей была предоставлена комната в коммунальной квартире.

В 1959 г. семья переехала в отдельную квартиру нового дома, выстроенного Институтом для своих сотрудников. В те времена это событие было выдающимся, семья запомнила переезд надолго – впервые в жизни отдельная благоустроенная квартира с водопроводом! С тех пор Климовы навсегда обосновались в Пушкино, связав свою жизнь с Институтом. Все члены семьи в разные годы трудились в подразделениях Института и ЦОКБлесхозмаш.

После окончания аспирантуры он поступил на работу в отдел механизации, в 1966 г. защитил диссертацию, стал кандидатом технических наук.

В 50-60-е гг. практические работы Г.Б. Климова по созданию и испытанию машин для механизации работ в питомниках по выращиванию посадочного материала хвойных и лиственных пород были

связаны с Ивантеевским лесопитомником, расположенным в Пушкинском районе. Затем в качестве опытного полигона для научных работ. Институтом был выбран Загорский опытно-механизированный лесхоз, в котором Глеб Борисович с весны до осени годами пропадал «на полевых», занимаясь испытанием новых машин на опытных участках лесопосадок.

Начав с аспиранта очного обучения, Глеб Борисович прошел всю карьерную лестницу научного работника, завершив свой трудовой путь в должности заведующего отделом механизации работ в питомниках. За время работы в Институте он получил десятки свидетельств и патентов в процессе разработки машин и механизмов, выставлял свои изобретения на тематических выставках, награждался многочисленными медалями ВДНХ, ему присвоено звание «Заслуженный изобретатель». Он много раз участвовал в союзных и международных конференциях, ездил в командировки по стране и за рубеж, многократно выступал на научно-практических конференциях с докладами о своих работах, писал статьи и монографии.

Несмотря на сложности выезда за рубеж, в те годы ему удалось побывать в странах восточной Европы – Германии, Румынии, Польше, Болгарии, Чехословакии, посетить город Зволен, где для него закончилась война.

Глеб Борисович, несмотря на трудности и испытания, выпавшие ему (как и всем людям военного поколения) в жизни, многое добился благодаря уму, настойчивости и работоспособности. В общении был открытым и жизнерадостным человеком, никогда не пользовался протекциями, всегда был прямым и честным, за что ему в жизни изрядно доставалось.

Память о нем будет жить в сердцах людей, которые его знали.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(фото из личного архива автора)

*У истоков семьи Климовых
(конец 19 века, в центре Борис Георгиевич)*

*Мама Г.Б. Климова –
Александра Сергеевна Бабкина*

*Братья Борис и Глеб Климовы
(г. Алексин Тульской области)*

Выпускной класс Алексинской средней школы (июнь 1941 г.)

Студент II курса
МИМЭСХ (1942 г.)

*С будущей женой
Кольберг Е.А. во время
учебы в МИМЭСХ*

В период работы на прибалтийской МИС

Латвия,
Приекуле (1951 г.)

Прибалтика, г. Цесис
(1952 г.)

С мамой и детьми (1953 г.)

*С тещей Кольберг Е.Л. и детьми
(поселок Безенчук Куйбышевской области, 1954 г.)*

Сотрудники Поволжской МИС (1955 г.)

С сотрудниками Ивантеевского лесопитомника (1956–1957 гг.)

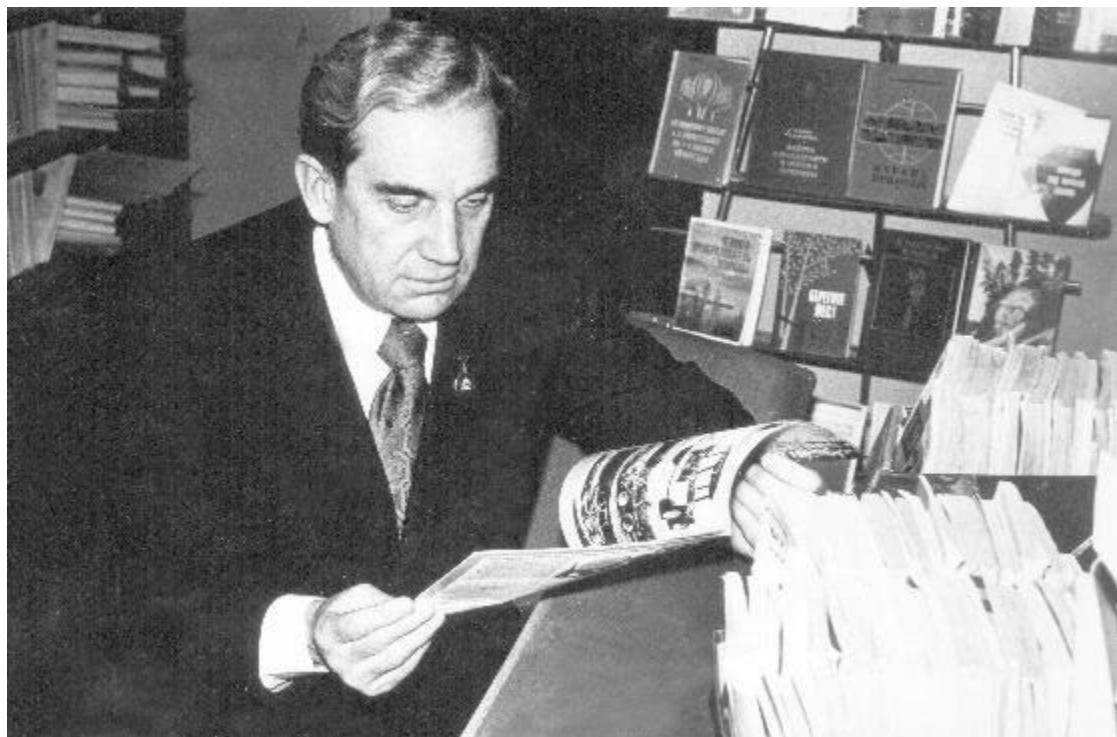
*Аспирант очного отделения
ВНИИЛМ (1960-е гг.)*

*Научный сотрудник ВНИИЛМ
(1966 г.)*

ВНИИЛМ (1979 г.)

В библиотеке Института (1977 г.)

*Выступление на научной
конференции
(ЧССР, 1977 г.)*

*ВНИИЛМ, заведующий отделом механизации работ
в питомниках*

*Вручение юбилейной медали
«70 лет Вооруженных Сил СССР»*

По местам боев спустя годы

*На Мамаевом Кургане
(нач. 80-х гг.)*

По местам боев (г. Зволен, Чехословакия)

*Г.Б. Климов
9 мая 1985 г.*

С сотрудниками отдела на демонстрации 1 мая 1989 г.

Возложение цветов к обелиску Славы в Новой деревне (1990 г.)

Содержание

ОБ АВТОРЕ	3
ОТ СТАЛИНГРАДА ДО ЗВОЛЕНА в ЧССР	4
БИТВА ПОД СТАЛИНГРАДОМ	5
ОБОРОНА И НАСТУПЛЕНИЕ В РАЙОНЕ ХАРЬКОВА	10
ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА	14
БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ	18
ПОД ЯССАМИ В РУМЫНИИ	24
ЧЕРЕЗ РУМЫНИЮ И ВЕНГРИЮ – В ЧЕХОСЛОВАКИЮ	32
ДОМОЙ, НА РОДИНУ	39
ПОСЛЕСЛОВИЕ	41
ПРИЛОЖЕНИЕ (фото из личного архива автора)	46

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО ЗВОЛЕНА в ЧССР
Воспоминания
участника Великой Отечественной войны
КЛИМОВА Г.Б.

В авторской редакции

Текстовое электронное издание

Корректор *Е.Б. Кузнецова*
Компьютерная верстка *Л.М. Харина, С.А. Трушеникова*

Подписано к использованию 03.02.2025
Объем 2.3 МБ
Тираж 10 CD-ROM

Минимальные системные требования: процессор AMD, Intel от 1 ГГц, 100 Мб HDD, ОЗУ от 1 Гб, CD-ROM, видеоадаптер от 1024 Мб или аналог; Windows Vista/7/8/10 или аналог; ПО – Adobe Acrobat Reader или аналог.

Всероссийский научно-исследовательский институт лесоводства
и механизации лесного хозяйства.
Московская область, г. Пушкино, ул. Институтская, д. 15
www.vniilm.ru, e-mail: info@vniilm.ru
Тел.: +7 (495) 993-30-54